

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-6-31

УДК 327; 94; 341

Наталия Нарочницкая

Курильский вопрос: политические, исторические, юридические параметры

Аннотация. В статье представлены анализ проблемы Курильских островов в отношениях России и Японии в историческом, правовом и геополитическом контекстах, а также дискуссии по этой теме. Автор подчеркивает юридические следствия полной и безоговорочной капитуляции, упразднившей довоенное японское государство, что делает неправомерными ссылки на прошлый статус островов. Освещена роль США при заключении Портсмутского мира, Сан-Францисского договора и подписании Советско-японской декларации 1956 г. Сравнение международных условий 1956 г. с реалиями XXI в. показывает изменившиеся обстоятельства и неприменимость принципа *rebus sic stantibus*. Автор высказывает сомнения в необходимости мирного договора между Россией и Японией, напоминая, что такового договора с Германией заключено не было.

Ключевые слова: полная и безоговорочная капитуляция Японии, утрата суверенитета, Советско-японская декларация 1956 г., статья 2 Сан-Францисского договора.

История последних 20 лет и официальные шаги российской власти в 90-е годы создали такой двусмысленный контекст, что любое сообщение о дипломатических контактах с Японией на уровне лидеров стран по поводу «мирного договора» вызывает особое отношение.

В течение советских десятилетий упорство Токио, расширившего свои претензии по сравнению с Декларацией 1956 г.¹, и быстрое изменение ситуации в связи с оформлением военно-стратегического давления США на СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), делали бесперспективными какие бы то ни было переговоры. При этом существовало табу на откровенное изложение новой конфигурации, сложившейся почти сразу после подписания Декларации.

Когда М. Горбачев неожиданно заявил о признании «территориальной проблемы», у Токио появились обоснованные надежды и резко возросли политические амбиции. Огромным стимулом для Японии стала Токийская декларация 1993 г., подписанная

1 Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии от 19 октября 1956 года.

Б. Ельциным в разгар политического кризиса в России вскоре после расстрела законного парламента. Она фиксировала шокирующий факт, что стороны «провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи» и что «стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса» [Токийская декларация... с. 67]. Никогда ранее в официальном тексте не появлялось упоминание об островах Итуруп и Кунашир как о проблеме, которую следует обсуждать.

В Токийскую декларацию также проник тезис о необходимости «преодоления наследия тоталитаризма», который был в центре идеологического пересмотра всей советской истории и выглядел как концептуальная рама для переоценки советской внешней политики. Именно на фоне такой радикальной смены официального курса было снято табу на обсуждение курильской темы.

В идейной обстановке 1990-х годов быстро появились неоднозначные исследования, многие из которых спонсировались японскими фондами и, соответственно, пропагандировали прояпонскую точку зрения на курильскую проблему. Общественное мнение было весьма уязвимо, ибо общество не было осведомлено об истинном положении дел на Дальнем Востоке и в АТР, сложившемся вскоре после создания, казалось бы, всеми признаваемой Ялтинско-Потсдамской системы. Табу на обстоятельное освещение в советской учебной и научной литературе закономерно способствовало незнанию как реального геополитического положения в АТР после резкого поворота США к конфронтации, так и перипетий советско-японских переговоров 1956 г. Эйфория огульного неспровержения всех позиций советской дипломатии охватила и часть профессиональной элиты и даже затронула российский дипломатический корпус «козыревского призыва».

Это вдохновило целую группу исследователей, с точки зрения которых территориальная проблема в отношениях с Японией порождена великодержавной политикой сталинизма на международной арене, а также «предательскими» действиями СССР в отношении Японии в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Задачей же «новой России» предлагалось сделать, прежде всего, восстановление погрязших в сталинское время демократических основ международных отношений, что и явилось бы правильно понимаемыми высшими государственными интересами России. Такая идеология предопределяла принципиальное согласие с требованиями Японии и стремление доказать правомерность самых широких притязаний Токио. Период «ревизии сталинской внешней политики» отмечен активным участием иностранных, прежде всего, японских и американских авторов в издаваемых в России трудах, обосновывавших японские претензии [См., напр.: Аллисон¹].

Так, к визиту Б. Ельцина в Японию в 1992 г. на средства японского фонда был издан сборник статей Б.Н. Славинского, Г.Ф. Кунадзе, А.В. Загорского, К.О. Саркисова и др. В нем

1 В редакционной подготовке принял участие высокопоставленный сотрудник МИД А.Н. Панов — тогда директор Департамента Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии МИД России, назначенный вскоре послом России в Японии

А.В. Загорский ставил под сомнение правомерность включения в состав России не только южной части, но и всех Курильских островов и даже южного Сахалина [См.: Загорский]. Один за другим выходили труды с таким изложением истории открытия и освоения Курил, которое вело к выводу, что южные Курилы необходимо передать Японии [Бондаренко]. В некоторых СССР именовался агрессором, а его действия на последнем этапе Второй мировой войны в Азии и на Дальнем Востоке — «оккупацией» [Славинский]¹.

Массированная академическая атака на позиции России, наряду с активной прояпонской кампанией в СМИ, породила острую дискуссию в академических кругах [См. Открытое письмо...], митинги и общественные инициативы («Комитет защиты Курил»), сыгравшие немалую роль в предотвращении необратимых юридических актов в отношениях с Японией. Были проведены парламентские слушания (в Сахалинской областной думе в 2001 г. и в ГД РФ в 2002 г.), итоговые документы которых категорически призывали руководство страны не делать никаких уступок Японии.

Все это стимулировало исследования совершенно иной группы ученых — историков, экономистов, экспертов в военно-стратегических вопросах, которые на основе неоспоримых фактов и новых документов представили широкую картину истории курильской проблемы и ее современных интерпретаций, обосновав неправомочность японских претензий и обрисовав широкий спектр пагубных последствий неоправданных уступок в этом вопросе для безопасности, судоходства и экономики России [Кистанов; Кошкин Японский фронт... Кошкин Россия и Япония... Кошкин Партитура... Латышев Путин... Латышев Россия... Латышев Япония... Мякотин Прояпонская... Тихвинский; Румянцев; Заланов; Стрельцов и др.]. Но сегодня необходимы новые обобщающие и документированные труды по данной теме, как справедливо отмечается в историографических публикациях [См. Мякотин Отечественная историография...].

Такая предыстория объясняет эмоции и противоречивые ожидания, порождаемые соответствующими демаршами и российско-японскими контактами, тем более на высшем уровне. Общество, эксперты и ученые, внесшие немалый и небезуспешный вклад в противодействие пораженческой «kozyревской внешней политике» 1990-х годов, а также, что естественно, жители Сахалинской области восприняли информацию об обоюдной готовности желаний России и Японии ускорить движение к мирному договору с немалым беспокойством².

1 Книга вышла одновременно в России, Японии и США (Издательство Гарвардского университета). (Автор, ныне покойный — потомок деятеля украинского национального возрождения эмигранта Максима Славинского (поклонника С. Петлюры) и дядя современной украинской поэтессы Каси Ясной, собрал, упорядочил и финансировал издание книги избранных произведений М. Славинского «Заховаю в серці Україну»). Киев. 2002

2 Декларация митинга жителей Южно-Сахалинска, принятая на митинге 22 декабря 2018 г., уже потребовала среди прочего «исключения из повестки российско-японских переговоров тематики так называемого «мирного договора» как способа в нарушение Конституции России (статья 4) узаконить территориальные уступки» и «приступить к денонсации статьи 2 Декларации 1956 года» [Сахалинцы и курильчане...].

Тем не менее профессионалы с пониманием принимали официальную линию последних лет. Без резкого опровержения обещаний 1990-х годов, четко указывалось на заключение мирного договора как на предварительное условие решения вопроса о Хабомаи и Шикотане, причем из проблематики переговоров исключались Кунашир и Итуруп. Что касается Декларации 1956 г., то особо подчеркивалась необходимость следовать точным ее положениям. В дипломатическом искусстве всегда действует правило не отвергать наотмашь противоположную позицию партнера, но постепенно добиваться ее поэтапного изменения. С этой точки зрения вполне рациональна именно такая дипломатическая тактика, с целью выстраивания баланса между Россией, Китаем и Японией без перекоса в сторону одной державы на Дальнем Востоке.

Высказывания президента В.В. Путина и министра иностранных дел С.В. Лаврова в 2017–2018 гг., хотя и активизировали тему «мирного договора» и контакты на высшем уровне с Японией, тем не менее не свидетельствуют о возрождении концепций 1990-х годов, тем более о готовности «отдать» Курилы на японских условиях.

Декларация 1956 г. предполагала сначала заключение мирного договора и признание поражения во Второй мировой войне — и только потом «передачу» двух островов малой Курильской гряды. Терминология и строгая последовательность шагов имеют огромное юридическое значение, ибо лишь каждый предшествующий шаг создает юридические и политические условия для следующего шага. Как уточнил С.В. Лавров, «мирный договор должен быть заключен прежде, чем начнется какой-либо разговор о чем бы ты ни было. Заключение мирного договора означает ни много ни мало признание итогов Второй мировой войны» [Выступление и ответы...]. Это нельзя иначе интерпретировать как то, что Япония должна однозначно признать поражение в войне и суверенитет России над всеми Курильскими островами, включая малую Курильскую гряду — южные Курилы — Шикотан и Хабомаи. При всей недалекости Н. Хрущева и иллюзорности его расчетов предотвратить военный союз Японии с США, которые уже тогда фактически оккупировали архипелаг Рюкю и имели все рычаги для управления японской внешней политикой, в Декларации все же использовано понятие «передача», а не «возвращение». Передача — это акт доброй воли, готовность распорядиться собственной территорией, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства» [Совместная декларация... с. 315]. Япония же сегодня трактует произвольно саму суть и концепцию Декларации, не только используя термин «возвращение», но и настаивая на том, чтобы «возвращение» предшествовало мирному договору.

Необходимо осознавать, что понятие «возвращение» — это указание на незаконность или неправомерность их принадлежности СССР, что представляет собой ревизию как итогов Второй мировой войны, так и принципа их незыблемости. Термин «возвращение» не случайно используется японской стороной, ибо он также косвенно предполагает континуитет японского государства, хотя акт полной и безоговорочной капитуляции прекращает существование капитулировавшего государства. При такой разнице в интерпретациях, четкие разъяснения российского руководства о том, как

надо понимать точное следование положениям Декларации 1956 г., вряд ли что-то обещают сегодняшней Японии.

Причины, по которым в российском обществе с беспокойством воспринимают активизацию российско-японского диалога, заявления о необходимости вывести их на новый уровень и скорее заключить мирный договор, объясняются не только безосновательным опасением, что речь идет о некоем возврате к концепциям 1990-х годов.

Один из ведущих российских японистов Д.В. Стрельцов обобщил новые факторы в современном международно-политическом контексте, способные побуждать и Россию, и Японию (каждую по своим причинам) к улучшению и расширению взаимоотношений, что, по ощущению общества, и может гипотетически толкать к смягчению российской позиции. Естественная потребность обеих стран в нормальных и стабильных отношениях, по мнению эксперта, обрела новые стимулы в условиях сложной политической конъюнктуры 2015–2018 гг. [Стрельцов].

Повышение роли Китая, получившего в итоге обострения российско-американских отношений и санкций США новые козыри в торгово-экономических и политических связях с Россией, может побуждать Москву к диверсификации своей политики в мире и в АТР. Мощь Китая вызывает беспокойство Японии, опасющейся превращения Китая в главную военную и экономическую силу в АТР и даже гипотетического силового захвата Китаем островов Сенкаку. Уверенность Токио в том, что Вашингтон ввяжется в войну с Китаем из-за своих обязательств перед Японией, вытекающих из Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, сильно поколебалась. В этой связи Япония весьма обеспокоена теоретической возможностью образования некоторой оси Москва — Пекин, хотя и понимает, что Россия вряд ли пойдет на прямую поддержку той или иной стороны в случае японо-китайского военного столкновения на почве территориального вопроса.

В японских парламентских и политических кругах, где заметно возросли националистические настроения, особенно с приходом С. Або, нарастает недовольство статусом Японии как сателлита США, зависящего от Вашингтона в самых важных вопросах политики. Д. Стрельцов отмечает, что из-за растущей зависимости от американской поддержки Японии приходилось в течение последних лет не раз принимать решения, противоречащие собственным интересам и приоритетам. Это и голосование за крайне непопулярное законодательство, разрешающее японским Силам самообороны участвовать в военных действиях за пределами Японии в рамках ее союзнических обязательств перед Америкой. Это и навязанное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, причем Токио пришлось воздержаться от участия в инициированном Пекином Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

Сужение пространства для самостоятельности в международных делах породило стремление к более независимому курсу в области внешней политики и безопасности, «который необязательно должен во всем ориентироваться на диктуемую из Вашингтона политическую линию». «Укрепляя связи с Москвой, Токио тем самым давал сигнал

Америке о своих претензиях на более равноправные отношения...». Одновременно, по мнению Д.В. Стрельцова, «активный российско-японский диалог мог бы в числе прочего стать и своего рода сигналом в адрес Пекина о том, что Москва не кладет все яйца в одну корзину, а это в свою очередь усилило бы переговорные позиции и самой Японии в диалоге с Китаем» [Там же, с. 28]. К тому же в глазах Японии статус и роль России в АТР поднялся в ходе и в итоге эпопеи с корейской ядерной программой.

Для России же отношения с Японией важны по иным причинам, хотя и здесь немалую роль играет китайский фактор — прежде всего риски одностороннего крена в сторону Китая в экономике и политике в условиях санкционной и враждебной политики Запада, — тем более, что Китай не поддерживает безоговорочно Россию во всем, например, в украинском кризисе, и не признал Крым российским. Так Д. Стрельцов, рассматривающий изменения равновесия в треугольнике Китай — Россия — Япония, полагает, что Поднебесная империя фактически «стала единственным крупным выгодоприобретателем от нового витка напряженности в отношениях России с Западом, используя эту напряженность для усиления своих переговорных позиций в диалоге с Москвой» [Там же]. Япония же могла бы заменить Китай как источник технологий и инвестиций для Сибири и Дальнего Востока, в чем, правда, сомневаются большинство японоведов, отмечая чрезвычайную осторожность и рациональность японских инвесторов.

Не исчерпывающаяся вышесказанным, но все же ограниченная заинтересованность друг в друге выразилась в очевидном потеплении отношений России и Японии и их лидеров, которые обменялись визитами в небывало дружеской обстановке и афишировали выражения симпатии в обоюдной созданной атмосфере взаимного интереса и уважения культур.

Однако именно весь этот внешний антураж, весьма полезный для доверительной атмосферы любых переговоров, питает естественную настороженность части российского экспертного сообщества, наученного горьким опытом 1990-х годов. Тем более что официальные лица России не опровергали подписанную Б. Ельциным Токийскую декларацию о российско-японских отношениях 1993 г., где заявлено о проведении «переговоров о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи» и о стремлении к «скорейшему заключению мирного договора путем решения указанного вопроса» [Токийская декларация...]. Справедливости ради надо отметить, что текст Токийской декларации, хотя и свидетельствует о признании Москвой необходимости *обсуждать* «принадлежность четырех островов», совершенно ни к чему не обязывает, ибо в ходе этого *обсуждения* можно вновь полностью отвергнуть претензии другой стороны. Однако, трактуя этот тезис как обещание, японские эксперты напоминают о Токийской декларации и в нынешнем раунде контактов [См., напр.: Хакамада]. Можно только предполагать, делают ли то же официальные лица на переговорах.

Обратимся теперь к историческим и юридическим параметрам курильской проблемы, которая сначала была в значительной мере создана давлением США, а в конце XX в. отягощена опрометчивыми и губительными подходами первого десятилетия перестройки, последствия которых трудно не ощутить и сегодня.

Международно-правовые и исторические аспекты

Энергичная сбалансированная политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ее возвращение к многовекторной стратегии великой евразийской державы в определенной мере ограничены не столько отсутствием мирного договора с Японией (несмотря на отсутствие такого договора, мир прекрасно взаимодействует с Германией), сколько двусмысленностью отношений с Японией, которая к тому же находится под бдительным контролем США.

Распад СССР и Югославии, вступление в НАТО восточноевропейских стран и Прибалтики (части исторического государства российского) были драматическими для позиций России. Эти процессы, разумеется, означали эрозию и разрушение Ялтинско-Потсдамской системы, опрокинули Хельсинский акт 1975 г. Однако произошедшие изменения в послевоенном статус-кво **не были юридическим пересмотром** территориальных результатов Второй мировой войны и, следовательно, не подрывали автоматически легитимность остальных территориальных элементов послевоенного урегулирования. Иные последствия имело бы удовлетворение японских претензий на «возвращение» островов: это открыло бы возможность ставить под сомнение и другие аспекты послевоенного территориального статус-кво в Азии.

Каким бы архаичным ни казался такой подход сторонникам постмодернистских подходов к международным отношениям или замены прав народов и национальных интересов на «права человека» и «интересы вселенской демократии», принцип неизблемости итогов Второй мировой войны сохраняет основополагающее значение. Его же подрывает уже одно лишь использование понятия **«возвращение»** в отношении предмета территориальных претензий послевоенного японского государства. Слово «возвращение» меняет интерпретацию итогов войны в отношении статуса как послевоенной Японии, так и Курильских островов. «Возвращение» означает то, что послевоенная Япония якобы является в юридическом смысле тем же историческим японским государством, которое входило в страны «оси», косвенное признание послевоенной Японии в качестве «продолжателя личности», то есть носителя континуитета, того японского государства, которое развязало и проиграло войну. Понятие «возвращение» предполагает признание незаконности принадлежности Курильских островов Советскому Союзу и его преемнице Российской Федерации вопреки решениям Ялтинской конференции и противоречит Сан-Францисскому договору 1951 г., где Япония в Статье 2 отказалась «от всех прав, правооснований и претензий» на все Курильские острова и часть Сахалина [Мирный договор...].

Нелишне повторить анализ статуса послевоенных государств — бывших участников гитлеровской коалиции [См.: Нарочницкая Россия в геополитических...]. Ни ФРГ и ГДР, ни объединенная Германия, ни современная Япония не являлись и не являются в юридическом смысле продолжателями субъектности довоенных государств, не обладают по отношению к ним континуитетом. Они стали новыми субъектами международных отношений и международного права. Их правопреемство по отношению к прежним государствам ограничено решениями держав, обладавших четырехсторонней ответ-

ственностью. **Это вытекает из юридического толкования принципа полной и безоговорочной капитуляции, заложенного в послевоенное устройство.**

Полная и безоговорочная капитуляция принципиально отличается от простой капитуляции по юридическим, политическим и историческим следствиям. Простая капитуляция означает признание поражения в военных действиях и не затрагивает международную правосубъектность побежденной державы. Таковое государство, пусть наголову разбитое, сохраняет свой суверенитет и правосубъектность и само в качестве юридической стороны ведет переговоры об условиях мира.

Полная и безоговорочная капитуляция означает прекращение существования субъекта международных отношений, демонтаж прежнего государства как политического института, потерю им суверенитета и всех властных полномочий, которые переходят к державам-победительницам, которые сами определяют условия мира, послевоенного устройства и урегулирования. На месте прежнего государства возникает новый субъект международного права, который может обладать правопреемством в том или ином объеме (это решают победители в мирном договоре или иных юридических документах) по отношению к прежнему. Но речь идет именно о новых субъектах международного права. Таковыми стали ФРГ, ГДР и Япония. Именно победители-союзники создали новые государства на своих условиях, в новых границах, с новыми конституциями, новыми органами государственной власти.

Особенно наглядно это в случае Германии, которая как государство получила новое официальное название. По настоянию Британии, стремившейся «упразднить государство Пруссия», искоренить исторические названия, напоминавшие не только и даже не столько о Третьем рейхе, но и о не дававшей Лондону покоя целое столетие бисмарковской Германской империи, были изменены названия исторических провинций Германии, ставших «землями» [Протоколы 31–32... Также см. Нарочницкая Россия и русские...]. Ни ФРГ, ни ГДР не обладали полным суверенитетом даже через 40 лет. Их суверенитет с точки зрения международного права имел так называемый «производный характер» — производный от полномочий союзников, сохранявших четырехстороннюю ответственность.

США использовали свои полномочия носителя четырехсторонней ответственности в отношении ФРГ, к примеру, во время арабо-израильской войны 1973 г. Министр иностранных дел Западной Германии В. Шеель, которого считают наряду с В. Брандтом отцом «новой восточной политики», официально высказался против отправки американского оружия в Израиль с территории ФРГ и использования западногерманских портов и аэродромов. Бонн, не желавший создавать риски в отношениях с арабскими странами — поставщиками энергоресурсов, посмел заявить, что выбирает позицию нейтралитета. В ответ государственный департамент США в официальной ноте безапелляционно указал на то, что **ФРГ не имеет полного суверенитета** и что США, исходя из своих особых прав оккупационной державы, вытекающих из принципов послевоенного урегулирования и заключенных в их рамках соглашений, правомочны без уведомления совершать с территории ФРГ любые действия, которые сочтут необходимыми.

На самом деле ФРГ так и не освободилась от признаков оккупированной побежденной страны даже после объединения, хотя само юридическое оформление было призвано продемонстрировать переход от неполного суверенитета до объединения к обретению полного суверенитета — после. В Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии четыре державы должны формально сложить с себя полномочия, после чего объединенное германское государство обрело бы полный суверенитет. Тем не менее, на территории ФРГ до сих пор расквартированы оккупационные войска США (база в Рамштайне), которые в юридическом плане находятся в ФРГ не в рамках НАТО, а именно как оккупационные войска согласно соглашениям послевоенного времени. Военные базы США до сих пор есть в Баварии, Гессене и Рейнланд-Пфальце. Американские владения в Германии насчитывают огромное количество объектов, куда сами немцы не имеют доступа.

Япония всячески камуфлирует утрату ею суверенитета в результате полной и безоговорочной капитуляции, тем более что в ее случае это не столь наглядно. В стране сохранились непрерывная нумерация сессий парламента с довоенного времени и императорская династия. На этом основании утверждается, что правосубъектность Японии не прерывалась, что сохранение императорской династии свидетельствует о континуитете государства. На самом деле источник сохранения императорской власти иной — решение победителей. Именно потому, что Япония понимала, что утратила суверенитет, 10 августа 1945 г. она запросила согласие союзников на этот счет, и ей был дан положительный ответ. Этот вопрос обсуждался между государственным секретарем США Дж. Бирнсом и наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым на I сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) 22 сентября 1945 г. [АВПР. Фонд 0431 (I). Оп. 1. №18а. П. 4. Л. 64].

Не убедительно и иногда высказываемое мнение, что Япония может считать себя не связанной ялтинскими соглашениями, участницей которых она не являлась, и не признавать применение к себе права войны при выработке послевоенного статуса. ФРГ, по определению, не участвовала в Ялтинской конференции антигитлеровской коалиции, но ни до, ни после объединения она не предпринимала попыток подвергнуть ревизии принципы, примененные победителями к выработке послевоенного порядка и статуса побежденных стран. Однако японская позиция все больше исходит именно из явного (у политологов) и косвенного (у официальных лиц) либо игнорирования, либо отрицания статуса Японии как побежденного государства и государства, виновного в войне. Так, профессор С. Хакамада в полемике с Д. Стрельцовым очевидным образом отрицает применение к Японии норм международного права военного времени, хотя Устав ООН (в Главе XVII) косвенно подтверждает такое правоприменение, на что справедливо указал Д. Стрельцов [Хакамада].

Если признать право послевоенной Японии оспаривать территориальные решения победителей, не будут ли в определенных исторических обстоятельствах оспорены и границы современной Германии, начертанные державами-победительницами без участия подписавшего полную и безоговорочную капитуляцию рейха фельдмаршала В. Кейтеля? Современная Япония — послевоенное государство, и урегулирование

с ней может базироваться исключительно на послевоенном международно-правовом фундаменте, в то время как все довоенные параметры перестали действовать.

Сам по себе факт, что часть территории государства принадлежала когда-то другому государству, не создает правооснования для территориальных претензий. По мере складывания географико-политического облика мира немало территорий переходили от одних государств к другим. Так, Галиция — историческая часть Киевской Руси, в середине XIV в. была захвачена Польшей, в 1772 г. отошла к Австро-Венгрии, Версальским договором была передана вновь Польше, затем вошла в СССР и, наконец, оказалась частью независимой Украины. В 1945 г. Калининградская область и Курилы были определены как территория СССР; Эльзас и Лотарингия были закреплены за Францией, хотя до второй половины соответственно XVII и XVIII столетия относились к землям Священной римской империи, а в 1871–1919 гг. входили в состав Германской империи; основная Силезия по настоянию СССР была передана Польше, несмотря на то, что прежде в течение веков была частью Пруссии. Новая граница по Одере-Нейссе долго, вплоть до «новой восточной политики» В. Брандта, не давала покоя так называемым германским реваншистам (Ф.-Й. Штраус), но никакого юридического пересмотра послевоенных границ Германии никто даже не обсуждал. Додеканезские острова были переданы Греции, хотя по Версальскому договору принадлежали Италии, а до этого — Османской империи; была изменена итало-французская граница в пользу Франции. Все решения Ялты и Потсдама составляют целостный, системно согласованный свод, и ревизия одного элемента подрывает незыблемость остального. Что уже говорить о разрушении СССР, когда историческое государство российское было расчленено по неисторическим границам? Мир вряд ли принял бы претензии России на утраченные территории, а ведь Япония претендует именно на это.

В изложениях японской позиции по Курилам и в публицистике постоянно фигурируют ссылки на договоры XIX в. Речь идет о Симодском трактате 1855 г., согласно которому русско-японская граница пролегла между островами Уруп и Итуруп, а Сахалин остался неразграниченным; и о Санкт-Петербургском договоре 1875 г., по которому Курильские острова были переданы Японии в обмен на признание ею российского суверенитета над всем Сахалином. Однако все договоры прошлого, к которым апеллирует Япония, утратили силу, причем даже не в 1945 г., а еще раньше, в 1904 г. — с началом русско-японской войны, ибо **международное право гласит: состояние войны между государствами прекращает действие всех и всяческих договоров между ними.**

Что касается более давнего прошлого, то лишь в XX столетии, и особенно после Второй мировой войны в японских научных и официозных изданиях стали приводиться трактовки документов и карты, где Курилы обозначены как владения Японии. Однако крупнейшие японские историки прошлого признавали, что вплоть до середины XIX в. Япония не рассматривала в качестве своих владений ни Сахалин, ни Курильские острова. Территория Японии тогда не включала официально даже остров Хоккайдо, заметное заселение которого именно японцами происходило лишь начиная со второй половины

XIX в. В российской литературе на основе и зарубежных источников, и архивных материалов, и данных картографии дан убедительный ответ на позднейшие искажения, особенно в том, что касается первооткрывателей и первых исследователей Курильских островов [Кошкин Россия и Япония... Зиланов; Файнберг; Черевко Свидетельства... Черевко И называют...Тихвинский; История Сахалина... Полевой Первооткрыватели Сахалина, с. 10–13; Полевой Первооткрыватели Курильских...Дополнения... с. 51–61; Степанов с. 417]. В 1960–1970-е годы при запрете на открытое обсуждение курильского вопроса, тем не менее, готовились труды «для служебного пользования», которые были свободны от идеологического доктринерства и тщательно документированы.

В 1990-е годы японский МИД получил документ, «любезно» предоставленный Японии из архивов российского внешнеполитического ведомства на волне огульного опровержения всех постулатов советской внешней политики. Речь идет о «Дополнительной инструкции МИД России Е.В. Путятину о переговорах с японцами № 730» от 27 февраля 1853 г. Как японские дипломаты, так и сторонники уступок в России представляли этот документ в качестве «неопровержимого» доказательства «изначальной» принадлежности Японии ряда оспариваемых сегодня ею островов. Он был немедленно опубликован в пропагандистском официальном издании японского посольства в Москве.

В утвержденной Николаем I инструкции российского МИД к переговорам 1854 г. в Симодэ, говорилось о возможности при определенных обстоятельствах пойти на встречу настояниям Японии и признать, что «из островов Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы и могли бы ограничиться, назначив его последним пунктом Российских владений, к югу, — так, чтобы с нашей стороны южная оконечность сего острова была (*как и ныне она в сущности есть*) (курсив автора. — Н.Н.) границей с Японией» [Дополнительная инструкция...].

Японцы, а в начале 1990-х годов и некоторые российские дипломаты трактовали эти слова как доказательство того, что спорные острова и до Симодского трактата 1855 г. не принадлежали России и что само русское правительство будто бы не считало Курилы южнее Урупа российской территорией. Однако слова инструкции означают лишь то, что российский МИД исходил из факта общепризнанной принадлежности к России островов к северу от Урупа, и осознавал, что Япония оспаривает принадлежность островов южнее Урупа.

Граница между Россией и Японией к этому моменту не была де-юре определена в договорном порядке, что и стремилось сделать русское правительство — обычная стадия на пути территориального размежевания и формирования политической карты мира. При этом подобные договоры в истории всегда отражают скорее реальное соотношение сил на данный момент, нежели некую историческую судьбу территории. Фраза «*как и ныне она в сущности есть*», само ее построение как раз свидетельствуют о том, что по мнению Петербурга, имелось расхождение между исторически корректной границей в силу принадлежности островов России, и той линией, которую «в сущности», то есть в реальных обстоятельствах вынужденно приходилось соблюдать, чтобы избежать острых столкновений с Японией.

Как отмечает академик В.С. Мясников, Россия отступила «от ранее занимаемых рубежей...без войны, лишь в связи с нехваткой сил и средств на поддержание своего суверенитета на дальних окраинах империи». Мясников убедительно показывает, что Россия на том этапе рассматривала Японию скорее как партнера в балансе сил и даже рассчитывала «на убежище в ее портах в случае серьезных замешательств на Крайнем Востоке». А главную угрозу Россия видела в «усилении позиций «третьей державы» (имелась в виду Великобритания) [Мясников, с. 295, 296]. Международное положение накануне и в ходе Крымской войны требовало не усугублять остроту взаимоотношений на Дальнем Востоке, то есть «в сущности» не настаивать на своих исторических правах в данной ситуации.

Симодский трактат 1855 г. был подписан в разгар Крымской войны, которую иногда ошибочно сводят к обороне Севастополя и стремлению европейских противников лишить Россию полноценных прав черноморской державы. Однако английские и французские эскадры находились также в Охотском море. Петропавловск-Камчатский был осажден, и, хотя атаку удалось отбить, порт пришлось эвакуировать в Николаевск-на-Амуре. Имелись серьезные опасения, что англичане высадятся на Курильских островах, которые еще не были формально разграничены. Все это привело к заключению, что для России было целесообразнее пойти на такое разграничение, при котором часть этой уязвимой территории отдавалась под юрисдикцию слабой в военно-морском отношении Японии. Это исключало вероятность оккупации части Курильских островов сильнейшей военно-морской державой — Британией.

Определенную роль играли и сугубо экономические соображения, связанные с жизнеобеспечением российского Дальнего Востока, ибо в то время из-за неразвитости местного сельского хозяйства и нехватки продовольствия было крайне трудно содержать и практически невозможно расширять существовавшие военные посты на Сахалине и Курилах. Согласно Японии торговать продовольствием с Россией придавалось большое значение, поскольку, следуя своей традиционной политике изоляции, Япония долго категорически отказывалась продавать даже соль и муку.

Те же факторы действовали и во время заключения Санкт-Петербургского договора 1875 г. об обмене территориями. Приоритетным для России было закрепить принадлежность всего Сахалина и обезопасить его от военной экспансии Великобритании и Франции, к которым к тому времени добавилась и Германия. Япония, со своей стороны, не соблюдала договоры, нарушая территориальные воды и высаживаясь на российских берегах.

Как бы то ни было, ссылки на историческое прошлое и изменения в статусе Курил и Сахалина по Симодскому трактату 1855 г. или по Санкт-Петербургскому договору 1875 г. не создают правооснований для претензий Японии в настоящее время. На эти договоры можно ссылаться только в качестве экскурса в историю. Когда на переговорах в Портсмуте в 1905 г. граф С. Витте попытался сохранить за Россией южный Сахалин, ссылаясь на договор 1875 г., сама Япония указала ему на то, что, в соответствии с международным правом, ***состояние войны между Японией и Россией прекратило действие всех и всяческих договоров между ними.***

Треугольник США–Россия–Япония

Во второй половине XIX в. началось весьма быстрое торгово-экономическое и политическое проникновение США в Тихоокеанский регион. Обращает на себя внимание роль, которую уже тогда играла эта быстро развивавшаяся держава в поощрении японских аппетитов, направленных против России, и в конкуренции за политическое присутствие в регионе. Крупные экономические интересы США были представлены многочисленными мощными пушными и иными компаниями, которые начали расхищать богатства Аляски, Курильских островов, отличаясь особым даже для того времени пренебрежением к соблюдению таможенных, пограничных, территориальных и других ограничений. В качестве одного из главных препятствий на пути своей широкой экспансии США видели Россию, а в качестве главного инструмента против России — Японию.

Японию уже тогда часто посещали американские дипломатические и военные миссии. В исторических исследованиях показано, что представители самых разных ведомств и компаний подстрекали Токио не признавать южный Сахалин российским и сеяли недоверие к России. США постоянно убеждали японцев в мнимом наличии у России завоевательных планов в отношении острова Эдзо (Хоккайдо). Русским дипломатам часто доводилось дезавуировать такие демарши — и Вашингтон приносил официальные извинения за инсинуации. Уже тогда США пытались утвердиться в роли посредника в любых русско-японских переговорах о разграничении территорий и сделать так, чтобы все важные вопросы выносились на арбитраж международных дипломатических совещаний. Американская печать в 1870-х годах не стеснялась писать о том, что задачей США было уменьшение владений России в восточной части Азии. Именно американцы неоднократно подавали Японии мысль купить у России южный Сахалин подобно тому, как США купили Аляску [О торгово-экономической экспансии США на Дальнем Востоке и американской стратегии, нацеленной на противодействие Англии и сдерживание России см. Нарочницкий, с. 154–169, 459–471].

Политика президента Теодора Рузвельта стала воплощением и нарицательным символом безудержной экспансии, оправдываемой кальвинистским мессианизмом и идеологией «божественного предназначения» США («Manifest Destiny») управлять миром. Т. Рузвельт полагал, что американские позиции на Тихом океане и в Северо-Восточной Азии важнее для будущего США, чем их роль на Атлантическом океане и европейском континенте. В Вашингтоне не считали серьезным соперником Японию, но всячески стремились воспрепятствовать укреплению российских позиций на Дальнем Востоке. Блестящий знаток этой темы А. Трояновский, выдающийся советский дипломат и первый посол СССР в США, с полным на то основанием полагал, что с самого начала русско-японской войны симпатии Т. Рузвельта были на стороне Японии [Трояновский].

Перед началом завершивших войну мирных переговоров в Портсмуте, Т. Рузвельт установил полное понимание с Токио по важнейшим направлениям своей экспансии в регионе и договорился с японским правительством относительно разграничения

интересов. 27 июля 1905 г. было заключено так называемое секретное Соглашение Кацура — Тафта (по именам японского премьер-министра Т. Кацуры и военного министра США, будущего президента У. Тафта) [Добров]. Япония соглашалась на американский контроль над Филиппинами, оставляя их на волю «дружественного государства», а США соглашались с правом Японии посредством военной оккупации установить контроль над Кореей. Очевидно, что заключивший подобную сделку Вашингтон не мог быть беспристрастным посредником на переговорах в Портсмуте, и влияние этого соглашения на ход Портсмутских переговоров общепризнано [Дипломатический словарь].

Роль США в ходе портсмутских переговоров, является буквально детективной историей. Она описана в мемуарах крупнейшего японского дипломата первой половины XX в. Кикудзиро Исии, участника и свидетеля тех событий, автора соглашения 1917 г. между США и Японией о признании особых японских интересов в Китае и американской политики открытых дверей в отношении Китая (Соглашение Лансинга–Исии). Эти мемуары, долгое время бывшие библиографической редкостью, были изданы Народным комиссариатом иностранных дел (НКИД) малым тиражом с предисловием А.А. Трояновского. [Кикудзиро]. Предисловие советского дипломата из дореволюционного образованного слоя, написанное блестящим слогом, само по себе представляет лаконичный и глубокий панорамный анализ международной обстановки вокруг русско-японской войны. Текст проливает свет на позицию США и Теодора Рузвельта, который даже получил Нобелевскую премию за содействие Портсмутскому миру. Трояновский цитирует письмо Т. Рузвельта английскому дипломату С. Спринг-Райсу от 24 июля 1905 г., в котором американский президент сообщает о своем предостережении Германии и Франции в самом начале русско-японской войны, «что в случае какой-либо комбинации против Японии..., я решительно приму сторону Японии и сделаю все возможное для того, чтобы ей помочь» [Трояновский, с. IX].

На Портсмутской конференции 1905 г. японская делегация требовала не только все Курилы, но и весь Сахалин, а также денежную контрибуцию. Глава российской делегации граф С. Витте отвергал японские требования, проявляя, по выражению Исии, «истерическое упрямство». Из воспоминаний Исии следует, что сама Япония была до предела истощена военными действиями и остро нуждалась в скорейшем подписании мирного договора. Японский дипломат недвусмысленно признает, что к концу переговоров Япония была готова согласиться на принадлежность всего Сахалина России без какой-либо денежной компенсации. В Портсмут уже были отправлены инструкции с предписаниями японской делегации уступить в этом вопросе.

Однако и Петербург, и российская делегация пребывали в полном неведении о реальных настроениях в Японии и готовности японской стороны снять свои первоначальные претензии в отношении Сахалина. Но кто-то немедленно уведомил Соединенные Штаты о такой — весьма нежелательной для них — перспективе, которая задерживала искомое уменьшение владений России в восточной части Азии. В этот момент американцы взялись «посредничать» в достижении мира.

Исии описывает события так, что Т. Рузвельт, желая «спасти» конференцию, направил 21 августа Николаю II телеграмму, где американский президент «доверительно» предупреждал о непреодолимости претензий Японии, и советовал уступить, пугая тем, что «возможное продолжение войны может привести к утрате Россией ее территорий к востоку от Байкала» [Исии, с. 22]. Это означало бы потерю статуса России как тихоокеанской державы. Американский посол в Петербурге Дж. Мейер, испросив аудиенцию у царя, всячески уговаривал Николая II пойти на уступки, обещая посредничество Т. Рузвельта, с тем чтобы «угovorить» Японию отказаться от контрибуции. Не искушенный в коварстве Николай II «упорствовал», но потом, как пишет Исии, «мимоходом, как бы про себя заметил, что можно было бы рассмотреть возможность передачи южной части Сахалина Японии...» [Там же, с. 23] О готовности царя согласиться на уступку части Сахалина было безотлагательно сообщено президенту Т. Рузвельту.

Из Вашингтона эта важнейшая информация была менее чем за сутки передана в Токио и стала известна Исии (который, впрочем, в мемуарах отмечает напрашивающееся предположение, что американцы могли намеренно передать ее японской стороне). Благодаря 14-часовой разнице во времени между Токио и Портсмут, Исии успел встретиться с премьер-министром, который сначала усомнился в достоверности известия. Морской министр адмирал Гомбэй Ямамото даже предупредил Исии, что тому придется сделать харакири, если информация окажется ложной. Но Исии был уверен в надежности канала, хотя и описывает в мемуарах получение этой информации как чистую «случайность», имевшую место в ходе беседы с «одним другом» «в одной из иностранных миссий в Токио».

Из Токио были срочно отозваны старые и посланы новые инструкции в Портсмут, после чего японская делегация сделала следующее заявление: «Императорское правительство решило в знак своего миролюбия отказаться от требований на весь Сахалин и делает последнюю уступку, удовлетворяясь южной половиной острова» [Там же, с. 55–57]. Вот при каких обстоятельствах Россия была вынуждена уступить победившей Японии не только все Курилы, но и южную часть Сахалина, что рассматривалось русской дипломатией, не проявившей достаточной твердости, как поражение и за что граф С. Витте получил прозвище «графа Полусахалинского». Неслучайно и С. Витте, и участвовавший в портсмутских переговорах посол России в Вашингтоне Р. Розен в своих воспоминаниях обходят молчанием вопрос о Сахалине и переговоры о нем [Витте; Кабанов].

В советской трактовке долгое время считалось, что США сыграли благоприятную для интересов России роль в период русско-японской войны и заключения Портсмутского мира¹. В НКВД во времена М. Литвинова отношение к стратегическим целям американской политики было довольно позитивным и, как теперь представляется, намеренно некритическим. Не случайно Литвинова ассоциировали в западных дипломатических кругах с «англосаксонским лобби». Через три года после выхода мемуаров Исии была подготовлена аналитическая записка М. Литвинова с панорам-

1 Т. Рузвельту была в последствии даже присуждена Нобелевская премия мира.

ным обзором внешней политики США и русско-американских отношений за три века с оценкой перспектив послевоенного сотрудничества. М. Литвинов к тому времени не мог не знать правды о портсмутских переговорах, а фраза его записки «во время русско-японской войны симпатии США были, несомненно, на стороне Японии», по-видимому, заимствована из предисловия А. Трояновского к мемуарам Исии. Тем не менее, Литвинов утверждал, что «размеры неудач России, грозившие нарушить равновесие на Дальнем Востоке, встревожили правительство США и побудили его придать посредничеству через Т. Рузвельта при заключении мира между Россией и Японией благожелательную для России окраску». Далее М. Литвинов, похоже, явно лукавил: «Рузвельту удалось добиться от Японии отказа от требований чрезмерных территориальных уступок и контрибуций... Условия Портсмутского мира, по которому Россия удержала Северный Сахалин и не платила никакой контрибуции, вызвало разочарование в Японии, недовольство ролью Соединенных Штатов Америки и, наоборот, некоторое чувство признательности со стороны России» [АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. №209. П. 25. Л. 15–16].

Юридическая основа статуса Курильских островов после 1945 г.

Решения держав в Ялте и Потсдаме являются юридической основой территориальных изменений в итоге Второй мировой войны. Сан-Францисский мирный договор с Японией, подписанный в 1951 г. 51 государством во главе с США, является действующим и юридически обязывающим международно-правовым документом для Японии. По Ялтинским соглашениям все Курилы и остров Сахалин возвращались «навечно» СССР, что было условием его вступления в войну с Японией. В Потсдамской декларации США, Великобритании и Китая, к которой позднее присоединился Советский Союз, говорилось: «...после полной и безоговорочной капитуляции суверенитет Японии будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кусу, Сикоку и теми менее крупными островами, **которые мы укажем**» (выделено автором. — Н.Н.) [Советский союз... с. 357–359]. Последние слова демонстрируют **утрату Японией международной правосубъектности и права обсуждать условия послевоенного урегулирования**, наглядно иллюстрируя международно-правовые следствия, вытекающие из принципа полной и безоговорочной капитуляции. На основании этих документов американская военная администрация в Японии издала 29 января 1946 г. «Меморандум главнокомандующего союзных держав японскому императорскому правительству № 677» (директива 677, или «директива генерала Макарура»). В этом документе указывалось:

«...территория Японии определяется в составе: четырех главных островов Японии (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку) и приблизительно 1000 мелких прилегающих островов, включая о-ва Цусима и о-ва Рюкю (Нансей) севернее 30° северной широты (за исключением о-ва Кутиносима), и исключая:

- а) о-в Унуре (Уллунг), Лианкорт Рокс (о-в Такэ) и о-в Квельнарт (Сайсю или Тедзю),
- б) о-в Рюкю (Нансей) южнее 30° северной широты (включая остров Кутиносима), группы островов Идзу, Нампо, Бонин (Огасавара) и Волкано (Кадзан или Иво), а также все другие отдаленные тихоокеанские острова, включая группу о-вов Дайто (Охигаси или Оагари) и о-в Парес Вела (Окинотори), Маркус (Минами-тори) и Ганджес (Нака нотори),

в) Курильские (Тисима) о-ва, Группу о-вов Хабомаи (Хабомадзе), включая о-ва Су-сио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку), а также о-в Сикотан.» [Сборник важнейших... Цит. по: Зиланов].

Обстоятельства подписания мирного договора с Японией определялись капитальными сдвигами в соотношении сил и геополитической обстановке на Дальнем Востоке, которые привели к войне в Корее. В изменившихся условиях СССР не поставил свою подпись под Сан-Францисским договором 1951 г. В то время как с поражением Гоминдана новую роль в АТР обрел коммунистический Китай, для США неизмеримо возросла значимость японского плацдарма, которому они прежде придавали вспомогательное значение, делая главную ставку на гоминдановский Китай. С.Л. Тихвинский цитирует приведенное в японской печати 4 мая 1950 г. заявление Главнокомандующего союзными оккупационными войсками в Японии генерала Д. Макартура о новой американской концепции: «Тихий океан превратился в англо-саксонское озеро, и наша линия обороны проходит через цепь островов, окаймляющих берега Азии. Эта цепь берет свое начало с Филиппинских островов, продолжается архипелагом Рюкю, в который входит главный остров Окинава, затем она поворачивает назад, проходит через Японию, Алеутские острова, Аляску» [Тихвинский Россия — Япония... с. 41].

Хотя Сан-Францисский договор 1951 г. не содержит указаний на передачу определенных территорий СССР, непреложным фактом является то, что в статье 2, пункте с договора, **«Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»** [Сборник документов... с. 89–90]. Со своей стороны, Вашингтон, поставивший подпись под этим Договором, уже тогда активно проводил стратегию, которую можно охарактеризовать как «контр-Ялта». И если в Европе это выражалось в закреплении раскола Германии и создании НАТО при неоспариваемости послевоенных границ в целом, то на Дальнем Востоке, в отношении Японии, США полностью отказались от решений Ялтинской конференции. Так, Конгресс США в своей резолюции в связи с ратификацией Сан-Францисского договора сделал оговорку, что «условия Договора не будут означать признание за СССР каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г...», и что для США «ничто, содержащееся в договоре... не подтверждает признания со стороны США никаких условий в отношении Советского Союза, содержащихся в так называемом «ялтинском соглашении» по Японии от 11 февраля 1945 г» [Цит. по.: Международное право... с. 317, 333].

Новые аргументы Японии из области географии и картографии

Положения Сан-Францисского договора столь определены, что отрицать отказ Японии от прав на Курильские острова невозможно. Поэтому Япония с согласия США разработала в середине 1950-х годов новую аргументацию: Шикотан и Хабомаи якобы относятся к системе острова Хоккайдо; а понятие «Курильские острова» будто бы никогда не охватывало Кунашир и Итуруп, которые будто бы относятся к отдельной географи-

ческой единице — «Южным Курилам» («Южные» с заглавной буквы как часть географического названия). Однако в любом довоенном географическом атласе или труде Курилы рассматривались как единое географическое понятие, поскольку они имеют все признаки для такой классификации. Например, Британская энциклопедия недвусмысленно указывает на Кунашир и Итуруп как на крупнейшие из Курильских островов. К сожалению, российские СМИ, вслед за американскими, часто стали употреблять в отношении Хабомаи и Шикотан именование «Южные Курилы» (как представляется, не отдавая себе отчет в подтексте такого написания). Но географической единицы Южные Курилы не существует, есть просто южная часть (южные Курилы) и северная часть (северные Курилы) указанных островов.

Попытка ввести такие географические новации легко опровергается и документами, и литературой. У США и Японии была полная ясность в отношении того, что в Сан-Францисском договоре Япония отказалась от всех Курильских островов. Литература, позволяющая в этом убедиться, в японских библиотеках сегодня часто содержится в режиме «спецхрана». Примером может служить книга американского автора Д. Риза (Rees). В приложении напечатана выдержка из справочника военно-морского флота США, выпущенного в 1943 г. на случай военных операций в районе Курил, где представлен список всех без исключения Курильских островов с подробным описанием в плане военного мореплавания.

В книге Д. Риза приводится также запись беседы госсекретаря А. Даллеса с министром иностранных дел Японии С. Иосидой. Иосида спросил, нельзя ли представить ялтинско-потсдамское решение таким образом, чтобы оно не распространялось на южные острова Курильской гряды. Даллес недвусмысленно ответил, что столь кардинальное изменение предшествующих согласований и толкований потребовало бы многолетних споров, что «задержит получение Японией полного суверенитета на неопределенное время» [Rees, p. 94–95]. Таким образом, и американская, и японская стороны при ратификации Сан-Францисского договора знали, от каких островов Япония отказывается.

Представлявший условия договора в японском парламенте директор договорно-правового отдела МИД Японии Кумао Нисимура буквально отбивался от негодующих депутатов, уточняя, что «понятие Курильские острова, фигурирующее в договоре, включает все острова, как северные, так и южные». В ответ на упреки К. Нисимура столь же недвусмысленно пояснил, что «отказ от суверенитета влечет за собой для Японии и потерю права высказываться по поводу конечной принадлежности территории» [Цит. по: Файнберг Исторические права... с. 291]. Кстати, С. Иосида, выступая в Сан-Франциско, назвал договор великодушным и справедливым и отметил, что он принимается японским народом с благодарностью, хотя и добавил, что некоторые территориальные решения вызывают у японского народа боль и беспокойство.

В советское время изложение и цитирование этих дебатов допускалось лишь в трудах, издаваемых для служебного пользования. Начиная с 1990-х годов эти важнейшие данные обнародованы российскими учеными, тогда как в Японии их, наоборот,

стали скрывать. А. Кошкин приводит следующие неопровержимые факты: «При подготовке к ратификации Сан-Францисского договора японское правительство словами заведующего договорным отделом МИД Японии Кумао Нисимура подтвердило факт отказа от всех островов Тисима (Курильские острова). 19 октября 1951 г. он заявил на слушаниях в парламенте: «Территориальные пределы архипелага Тисима, о которых говорится в договоре, включают в себя как северные Тисима, так и южные Тисима». О том, что вопрос об изъятии из состава японского государства островов Итуруп и Кунашир считался окончательно решенным в Договоре Сан-Франциско, свидетельствует и единогласно принятая совместная парламентская резолюция всех политических партий Японии от 31 июля 1952 г. В резолюции перед правительством ставилась задача добиваться возвращения оккупированных Соединенными Штатами Америки Окинавы, островов Огасавара и Амамиосима, также островов Хабомаи и Шикотан» [Кошкин Японский фронт... с. 496].

Стенограмма обсуждения в японском парламенте условий Сан-Францисского договора стала сегодня весьма неудобным документальным свидетельством для японской стороны. С. Хакамада, председатель японского Научно-исследовательского совета по вопросам национальной безопасности (АНПОКЭН) и крупнейший японский русист, даже признал в интервью Фонду Карнеги в России, что «разнобой» в суждениях о причислении разных островов к Курильским был ликвидирован и «японское правительство пришло к единому мнению по этому вопросу» [Хакамада].

Советско-японская декларация 1956 г. и фактор США

Советско-японская декларация от 19 октября 1956 г., в которой было прекращено состояние войны между двумя странами и урегулирован ряд проблем, зафиксировала готовность СССР передать Японии острова Хабомаи и Шикотан (в декларации — Сикотан), но только после заключения мирного договора. Статья 9 Декларации о передаче островов обусловлена выполнением пункта о заключении мирного договора.

Сейчас уже известны обстоятельства подписания этой Декларации. В период советско-японских переговоров 1956 г. США оказывали давление на Японию и не останавливались перед фактическим ультиматумом. Министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу проинформировал в американском посольстве в Лондоне находившегося там государственного секретаря Дж.Ф. Даллеса о ходе переговоров с Москвой. Даллес тогда заявил, что в случае подписания Японией мирного договора с СССР, в котором та согласится признать Южный Сахалин и Курильские острова частью территории СССР, США навечно сохранят в своем владении острова Рюкю. Госдепартамент сделал подобное заявление японскому посланнику в Вашингтоне и пригласил его для обсуждения статьи 26 Сан-Францисского договора, которая, по мнению США, препятствовала Японии самостоятельно договариваться с другими странами о мирном урегулировании.

Американцы прямо указали японским дипломатам, что Япония не имеет права рас-

поряжаться островами, которые ей не принадлежат, ибо она отказалась от них в Сан-Францисском договоре, что не лишено логики. Обещая свою поддержку и тем самым увеличивая зависимость, а значит, и «послушность» Японии, США предлагали вынести территориальные притязания к СССР на рассмотрение специальной международной конференции участников Сан-Францисского договора (в число которых СССР не входил) — как в XIX в. они подталкивали выносить территориальные споры на арбитраж международных «дипломатических совещаний».

В памятной записке государственного департамента, переданной Японии и распространенной агентством Ассошиэйтед Пресс, говорилось: «По обдуманному мнению Соединенных Штатов, Япония не имеет права передавать суверенитет над территориями, от которых она отказалась по мирному договору... Сан-Францисский договор (который не предоставляет прав Советскому Союзу, поскольку он отказался его подписать), не определил суверенитета над территориями, от которых отказалась Япония, оставив этот вопрос, как было заявлено делегатом Соединенных Штатов в Сан-Франциско, на другое международное разрешение, помимо этого договора».

США открыто отступили от своей позиции, занятой в Ялте, указав, что «рассматривают так называемое Ялтинское соглашение просто как изложение общих целей тогдашними главами участвующих держав, а не как окончательное решение этих держав или какой-либо юридический результат в вопросе о передаче территорий». Далее отмечалось, что, по мнению США, «острова Эторофу и Кунасири (вместе с островами Хабомаи и Сикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда являлись частью собственно Японии и ... должны быть признаны, как находящиеся под японским суверенитетом» [Тихвинский с. 104–107].

Российские публицисты нередко задают вопрос, чем было продиктовано и было ли правильным решение руководства СССР не подписывать Сан-Францисский договор. В советское время, с его многочисленными табу в открытой печати, неучастие в Сан-Францисской конференции, где Китай представлял гоминдановский Тайвань, скупно объяснялось солидарностью с Пекином. Однако избранная тогда долгосрочная стратегия на Дальнем Востоке была мотивирована отнюдь не только и не столько идеологическим родством с коммунистическим Китаем, который и сам был склонен проводить прагматическую политику.

Революционный и победоносный Китай обладал колоссальной динамичностью и потенциалом. Отсюда — необходимость предупредить обращение воинствующего импульса этого демографического тотально мобилизованного гиганта против интересов Советского Союза, обезопасить протяженную советско-китайскую границу, исключить шансы США втянуть континентальный Китай в свою орбиту. А именно такие возможности анализировал в начале Второй мировой войны американский Совет по международным отношениям, предлагавший в случае резкого усиления СССР или гипотетического советско-германского модус вивенди в Евразии «подготовить на Дальнем Востоке противников советского режима (Китай, Япония)» [АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. №213. П. 25. Л. 3–6].

Япония была практически сделана протекторатом США, оккупировавших Окинаву, что уже лишало СССР многих преимуществ державы-победительницы в регионе. Его геополитическое и военно-стратегическое положение на Дальнем Востоке и Тихом океане стало бы совсем уязвимым и крайне небезопасным при гипотетическом американо-китайском сотрудничестве. Не случайно Зб. Бжезинский полагал, что поиски Вашингтоном взаимопонимания с континентальным Китаем, продолжавшиеся вплоть до Корейской войны, должны были чрезвычайно обеспокоить Советский Союз. По мнению Бжезинского, Корейская война была просчитанным шагом Москвы, предназначенным закрепить устойчивое американо-китайское противостояние. То, что это удалось и у «США осталась лишь некая точка опоры — Тайвань, Бжезинский оценил как чистый выигрыш СССР на несколько десятилетий вперед» [Brzezinski].

Подписание советско-японской декларации, по опрометчивому замыслу Н. Хрущева, должно было удержать Японию от военного союза с США. Однако 19 января 1960 г. был заключен Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, которым было закреплено бессрочное пребывание американских вооруженных сил на японской территории. Обстоятельства изменились, причем обстоятельства самого серьезного характера, меняющие военно-стратегическое и геополитическое положение СССР. А, как известно, договоры действуют пока сохраняются прежние обстоятельства — так называемый принцип *rebus sic stantibus*.

Уже 27 января 1960 г. советское правительство направило Японии памятную записку об изменении обстоятельств, в которых СССР подписывал Декларацию 1956 г.: «Советское правительство шло навстречу пожеланиям Японии, учитывало национальные интересы японского государства и миролюбивые намерения, выражавшиеся в то время японским правительством в ходе советско-японских переговоров. Но Советское правительство, учитывая, что новый военный договор, подписанный правительством Японии, направлен против Советского Союза, как и против Китайской Народной Республики, не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками. Ввиду этого Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 г.» [Из памятной записки...]. В этом и нескольких последующих меморандумах Москва заявляла, что вся ответственность возлагается на Японию, которая заключила договор с США и полностью изменила обстоятельства.

Когда сегодня приводятся аргументы в пользу строгого выполнения Декларации 1956 г., почему-то игнорируется основополагающая логика последовательно вытекающих одно из другого обязательств. Все пункты декларации являются перечислением строго последовательных шагов, создающих совершенно определенные обстоятельства. И каждая статья фактически является протоколом о намерениях, выполнение

которого зависит от создаваемых предыдущим шагом необходимых условий. Более всего это относится к статье 9 о передаче двух островов, которая увязана со всеми остальными по принципу *rebus sic stantibus* — «пока сохраняются те же обстоятельства».

Вопрос об изменившихся новых обстоятельствах начала XXI в., в которых согласование текста рассматриваемой Декларации 1956 г. вряд ли было бы возможным, в настоящее время имеет самые серьезные характер и параметры. Что касается пролива между островами Уруп и Итуруп, то потеря этого единственного никогда не замерзающего пролива радикально разрушила бы всю военно-стратегическую конфигурацию в регионе и цельность военной инфраструктуры России, запираемой в Охотском море. Претензии Японии на эти острова изначально, даже в 1956 г., до японо-американского договора 1960 г., были неприемлемы и отметались советской стороной безоговорочно. Что касается Хабомаи — гряды необитаемых и непригодных для деятельности вулканических скал, то сами по себе они не имеют особой ценности. Однако автоматически отодвигаемая граница территориальных вод имела бы серьезные последствия для военно-стратегического положения России.

Какие бы гарантии Токио ни давал относительно демилитаризации островов или свободы военного мореплавания для России, США в рамках бессрочного договора о безопасности с Японией, да и без такового, никогда не станут с этим считаться.

Изменились и другие обстоятельства. Во время подписания Декларации 1956 г. еще не было Конвенции ООН по морскому праву, заключенной в 1982 г., к которой Россия присоединилась в полной мере в 1997 г. Эта конвенция (США к ней не присоединились) установила не только 12-мильные территориальные воды, но еще и 200-мильную **исключительную экономическую зону**. Эта зона включает воды, морское дно и его недра. В ней прибрежное государство осуществляет определенные международным правом суверенные права, включая права на разведку, разработку и сохранение природных ресурсов и управление ими; права на производство энергии и другие виды экономической деятельности. Прибрежное государство осуществляет в своей исключительной экономической зоне юрисдикцию в отношении создания и использования искусственных островов, установок и сооружений; морских научных исследований; защиты и сохранения морской среды.

В 1956 г. таких обстоятельств, имеющих жизненно важное значение для безопасности России, ее экономики и судьбы региона не существовало, и это еще одна причина, почему принцип «*rebus sic stantibus*» — «пока сохраняются прежние условия» — сегодня уже неприменим к советско-японской Декларации.

Юристы представили также анализ нарушения Конституции и юридических процедур при ратификации Декларации 1956 г. Верховным Советом СССР. Действующая же Конституция России предполагает изменение территории только при согласии жителей страны, выраженном в ходе референдума.

Хотелось бы надеяться, что слова президента В. Путина о выполнении Декларации 1956 г. в «полном объеме всех обязательств для обеих сторон» означают дипломатический намек на изменившиеся обстоятельства и нарушение Японией ряда статей Декларации. Ведь участие Японии в оккупационных силах в Ираке тоже можно рассматривать как нарушение статьи 3 пункта «б» Декларации, обязывающей «воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства» [Декларации, заявления... с. 314–315].

Наконец, последнее. В общественное мнение внедрен ложный постулат о якобы абсолютной необходимости мирного договора. СМИ порой и вовсе допускают удручающе безграмотные утверждения, будто Россия и Япония до сих пор находятся в состоянии войны. Декларация 1956 г. **прекратила состояние войны** и установила дипломатические отношения. Мировая практика знает немало случаев, когда прекращение войны обходилось без договора. Нет и не будет мирного договора с Германией, состояние войны с которой прекращено односторонне соответствующими юридическими актами союзных держав. Как известно, были заключены лишь пять мирных договоров с сателлитами Третьего рейха — Финляндией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Италией. Что касается Германии, раскол которой с началом холодной войны был в нарушение Потсдамских соглашений закреплен и оформлен созданием из трех западных оккупационных зон Федеративной Республики Германии, то в 1951 г. Конгресс США и Британия прекратили состояние войны с Германией. 26 мая 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР также постановил, что «состояние войны между Советским Союзом и Германией прекращается, и между ними устанавливаются мирные отношения». В преамбуле указа было констатировано, что «политика Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции... не позволила достигнуть необходимой договоренности о восстановлении единства Германии на миролюбивых и демократических основах и заключить мирный договор с Германией» [Указ Президиума...].

Не лишено оснований мнение, что особой необходимости в мирном договоре с Японией вообще нет, тем более что США не преминут вмешаться в процесс и заявить о своем непризнании права Японии обсуждать принадлежность России островов, от которых она отказалась в договоре Сан-Франциско.

В отличие от других партнеров Токио, Россия независимо от веса и политики других участников геополитического пасьянса на Дальнем Востоке и в АТР заинтересована в мирных добрососедских отношениях и стабильном, устремленном в будущее партнерстве с Японией. У России нет доктрины Монро для Тихого океана. Россия совершенно не рассматривает усиление и возрастание международной роли Японии как неблагоприятный фактор для своих интересов. Наоборот, независимая политика Японии гармонизировала бы баланс сил в АТР, расширила бы горизонты как японской, так и российской политики, повысила бы значение добрососедства с ней. Лучше всего этому может послужить принцип незыблемости итогов Второй мировой войны, который и должен быть положен в основу российско-японских отношений.

Литература

- АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. №209. П. 25. Л. 15–16.
- АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. №213. П. 25. Л. 3–6.
- АВПР. Фонд 0431 (I). Оп. 1. №18а. П. 4. Л. 64.
- Аллисон Г., Кимура Х., Саркисов К. От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в АТР. М. 1993.
- Бондаренко О.Я. Неизвестные Курилы. Серьезные размышления о статусе Курильских островов. М. 1992.
- Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х тт. М. 1960.
- Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам 25-го заседания СМВД ОБСЕ, Милан, 7 декабря 2018 года // Министерство иностранных дел МИД РФ. 07.12.18. — URL: mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3437709 (дата обращения: 08.11.2018).
- Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств 1954–1957 гг. М. 1957.
- Дипломатический словарь. Т.1. М. 1948.
- Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М. 1952.
- Дополнения к актам историческим. Т. I. СПб. 1848.
- Дополнительная инструкция Министерства иностранных дел Путятину. 24.02.1853 // АВПРИ. ГА, 1–9. Оп. 8. Д. №17. Ч.1. Л. 214–216.
- Загорский А.В. Российско-японские отношения: Б.Н. Ельцин перед драматическим выбором // Знакомьтесь Япония: к визиту Б.Н. Ельцина. М. 1992.
- Зиланов В. К., Кошкин А. А., Плотников А. Ю., Пономарев С. А. Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М. 2015.
- Из памятной записки Правительства СССР Правительству Японии от 27 января 1960 года // Известия. 29 января. 1960.
- История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко. Южно-Сахалинск. 2008.
- Кабанов Д.С. Роман Романович Розен и заключение Портсмутского мирного договора 1905 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград. 2008.
- Кикудзиро Исии. Дипломатические комментарии. М. 1942.
- Кистанов В.О. Япония в АТР: анатомия экономических и политических отношений. М. 1995.
- Кошкин А.А. и др. Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М. 2010.
- Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М. 2010.
- Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М. 2004.
- Латышев И.А. Путин и Япония. Будут ли уступки? 2000–2005. М. 2005.
- Латышев И.А. Россия и Япония в тупике территориального спора. М. 2004.
- Латышев И.А. Япония, японцы и японоведы. М. 2001.
- Международное право в избранных документах. Том III. М. 1957.
- Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года // История войны на Тихом океане. Т. 5. М. 1958.

- Мякотин А.А. Отечественная историография проблемы Курильских островов: дис. на соискание уч. ст. канд. ист.: 07.00.09. М. 2006.
- Мякотин А.А. Прояпонская позиция по проблеме Курильских островов в отечественной историографии // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: сборник научных трудов. Вып. 3. М. 2004.
- Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М. 1996.
- Нарочницкая Н.А. Россия в геополитических и идейных проектах мировой истории (конец XIX–XX вв.). Дис. на соискание уч. ст. д. ист. н.
- Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2005.
- Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М. 1956.
- Открытое письмо российских ученых президенту Б. Ельцину // Федерация. 1992. № 37.
- Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1959 г.
- Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск. 1959. с. 10–13.
- Протоколы 31–32-го заседаний КГА 31 мая 1946 // АВПР. Ф. 0431 (III). Оп. 3 Док. №19, П. 4. Л. 100, 103, 110.
- Румянцев О.Г. Российско-японские отношения и проблема территориальной целостности РФ: девять аспектов: Доклад, июль 1992 г. М. 1992.
- Русские Курилы: история и современность. Сб. док. /Сост. В.К. Зиланов и др. М. 1995.
- Сахалинцы и курильчане в защиту целостности России. Резолюция митинга // Regnum. 22.12.2018. — URL: regnum.ru/news/2542710.html (дата обращения: 08.11.2018).
- Сборник важнейших документов, касающихся оккупации и контроля союзных держав в Японии (на англ. языке). Токио. МИД Японии. Т. 2. 1949.
- Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954 гг.). М. 1954.
- Славинский Б.Н. Советская оккупация Курильских островов (август–сентябрь 1945г.). М. 1993.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. М. 1978/84. Т. 1. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.). М. 1984.
- Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии. 19.10.1956 // Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств 1954–1957 гг. М. 1957. С. 313–316.
- Степанов Н.Н. Первая русская экспедиция на Охотское побережье в XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. 1958. Т. 90. Вып. 5.
- Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М. 2015.
- Стрельцов Д.В. Российско-японский политический диалог в 2016–2017 гг. // Япония. Ежегодник. 2017. Стр. 26–44.
- Тихвинский С.Л. Россия — Япония. Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М. 1996.
- Токийская декларация о российско-японских отношениях. 13.10.2003 // Бюллетень международных договоров. №2. 1994. С. 66–68. — URL: naukaprava.ru/catalog/159/160/162/22951?view=1 (дата обращения: 08.11.2018).
- Трояновский Я. Предисловие // Кикудзиро Исии. Дипломатические комментарии. М. 1942. I–XV.

Указ Президиума ВС СССР от 25.01.1955 о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 2.

Файнберг Э.Я. Исторические права советского народа на Курильские острова // Ученые записки. Проблемы востоковедения. Сборник статей. Выпуск первый. М. 1970. С.290–301.

Хакамада С., Стрельцов Д. Кто подвергает ревизии историю? Продолжение дискуссии. 07.05.2015 // Московский центр Карнеги. — URL: carnegie.ru/publications/60015 (дата обращения: 08.11.2018).

Черевко К. И называют русских братьями // Неделя. 1985. № 31.

Черевко К.Е. Свидетельства японских историков о принадлежности Сахалина и Курильских островов (XVIII — первая половина XX в.) // Внешняя политика России. Источники и историография. М. 1991.

Brzezinski Zb. How the Cold War Was Played // Foreign Affairs. October. 1972.

Rees D. The Soviet Seizure of the Kuriles. Praeger. 1985.